

РАЗВИТИЕ МУКОМОЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СЕЛЬСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ДИАСПОРАХ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Изучение особенностей этнического развития и этнокультурной адаптации дисперсно расселенных национальных групп является одним из актуальных направлений исследований российской этнографической и исторической науки. Для Западной Сибири, заселяемой многочисленными этническими группами переселенцев на протяжении конца XIX – первой трети XX в., исследования проблем адаптации применительно к этническим диаспорам приобретают особое значение. Традиционные формы материальной культуры латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев, присущие материнским этносам изучаемых нами групп, были практически без изменений перенесены в новые места. Но специфические природно-климатические условия региона расселения оказались столь важным детерминирующим фактором, что национальные традиции переселенцев, в частности в производстве муки, претерпели скорые и значительные изменения, активно адаптируясь к условиям региона проживания.

Ключевые слова: Западная Сибирь, переселенцы, природно-климатические условия, адаптация, традиционные хозяйственные занятия, производство муки.

Население Западной Сибири всегда являло собой подвижный и изменчивый конгломерат сосуществующих на единой обширной территории народов и этнических групп, часть которых всегда оставалась «пришлой» применительно к «коренному», т. е. более раннему по времени появления, населению. Исследуемый нами период конца XIX – первой половины XX в. по праву можно назвать «переселенческим» – по числу новых жителей, этнических групп и уровню их взаимодействия в истории региона.

Изучение особенностей этнического развития и этнокультурной адаптации переселенцев, формирующих новые диаспоры, развивающиеся в отрыве от «материнских» этносов, является одним из актуальных направлений исследований в сибирской и российской этнографической и исторической науке в целом [Арутюнов, 2000; Тишков, 2000; 2003]. Интерес к таким этническим образованиям («национальным», «этнолокальным», «этнодисперсным» группам, «переселенческим диаспорам») в последние годы возрос, что объясняется спецификой развития этих групп, оказавшихся в иноэтничном окружении в условиях интенсификации этнических процессов. Это помогает выявлению факторов, определяющих уров-

ни адаптации к новым внешним условиям и обстоятельствам.

Для Западной Сибири, с учетом масштабных переселенческих процессов на протяжении конца XIX – первой трети XX в., исследования проблем адаптации применительно к этническим диаспорам приобретают особое значение.

В основу данной статьи положены полевые этнографические материалы, собранные автором в 1986–2007 гг. в Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областях. Сведения получены непосредственно от переселенцев и их потомков – латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев. Использованы также экспонаты музейных собраний ряда областных и районных историко-краеведческих музеев. Ранее сводно-сопоставительные исследования на этом материале применительно к заявленной теме не проводились. Следует заметить, что лишь А. А. Люцидарской были опубликованы две статьи, в одной из которых описана система русского мукомольного промысла в Сибири XVIII в. на примере г. Томска [Люцидарская, 1982], а во второй (в соавторстве) подробно представлены технологические особенности устройства ветряных мельниц на примере сооружения из Барабинской степи

[Колгушкин, Люцидарская, 1980]. Но аспекты данной тематики применительно к иноэтничным группам населения Сибири еще не затрагивались.

Материальная культура, как и любая другая подсистема культуры вообще, представляет собой механизм адаптации общества к условиям природной и социальной среды его существования. В нашем исследовании понятие «материальная культура» употребляется в наиболее узком, но традиционно чаще всего используемом смысле – материальные формы культуры, направленные на непосредственное удовлетворение витальных потребностей, т. е. на жизнеобеспечение. В данном случае это системы хозяйства, а также орудия труда, обеспечивающие одну из основных потребностей человека – питание. Для земледельческих, по сути, групп переселенцев – латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев – основу питания традиционно составляли зерновые.

Производство зерна было основой хозяйства для представителей названных групп. При этом стартовые условия подавляющей части переселенцев совпадали – относительно небольшие земельные участки, производство, ориентированное на удовлетворение собственных потребностей, инвентарь, обладающий невысокой производительностью. Применительно к домашнему производству муки стандартный инвентарный набор имел следующий состав: ступы с пестами для предварительного дробления (*обдирки*) зерна, ручные мельницы (*жернова*), совки (*плицы*), различные грохоты и сита для провеивания и просеивания муки.

Напольные ступы (рис. 1–2) делались, как правило, из дерева (комлевой части), имели широкое основание и глубокое тулово-чашу; общая высота достигала 100 см. Песты также вырезали из дерева, делая их двусторонними, с *ухватистым* сужением или двумя ручками посередине. В степных районах, где качественное дерево (да и древесина вообще) всегда было в дефиците, такие ступы передавались из поколения в поколение и служили вплоть до полного их разрушения.

После обдирки и провеивания зерно засыпали в ручные мельницы, которыми и производили окончательный помол. Мельницы состояли из двух жерновов – круглых,

Рис. 1 (фото). Ступа (дерево). Эстонцы. Прииртышье (начало XX в.). Седельниковский районный историко-краеведческий музей (Омская область). Фото автора

Рис. 2 (фото). Ступа с пестом (дерево). Украинцы. Кулунда (начало XX в.). Славгородский районный историко-краеведческий музей (Алтайский край). Фото автора

с плоскими торцами каменных или деревянных невысоких цилиндров (рис. 3). Поскольку территория Западно-Сибирской равнины не особенно богата природным камнем, наибольшее распространение в крестьянской переселенческой среде получили именно деревянные жернова.

Рис. 3 (фото). Мельница ручная (дерево, железо). Украинцы. Прииртышье (начало XX в.). Большереченский районный историко-краеведческий музей (Омская область). Фото автора

Рис. 4 (фото). Мельница ручная (дерево, железо). Немцы. Кулунда (начало XX в.). Славгородский районный историко-краеведческий музей (Алтайский край). Фото автора

Для большей производительности и меньшего износа в соприкасающиеся поверхности жерновов набивали железные или стальные скобы из проволоки. Нижний жернов имел центрирующий штырь, на который надевался верхний жернов, имевший отверстие посередине с разделанным «устьем» для засыпки зерна. Рукоятка верхнего жернова могла использоваться двояко: для неспешной *ручной* работы (когда мелющий

круговыми движениями вращал жернов) или в более производительном варианте, когда к рукояти нижним концом прикреплялся шест (*водило*), верхний конец которого крепился к потолочной балке. В последнем случае трудоемкость процесса значительно снижалась.

В результате все более широкого межличностного и межэтнического взаимодействия представители различных этнических групп перенимали друг у друга наиболее рациональные варианты. Так, ручные мельницы с бортиками-обечайками и носиками для отвода муки (рис. 4), первоначально использовавшиеся стремящимися к техническим улучшениям немцами-колонистами, достаточно быстро распространились среди украинцев и русских.

Но как бы ни старались крестьяне улучшить технические характеристики домашней утвари, они неизбежно сталкивались с ее непригодностью к использованию в товарном производстве – мускульная сила человека конечна, объем затрат на производство единицы продукции с ее помощью не может расти, упираясь в естественные ограничения. Соответственно стала ясной необходимость использования механических приводов для производства муки.

Крупным шагом в развитии товарного мукомольного производства в переселенческой среде стало использование ветряных и водяных мельниц. Последние, несмотря на свою большую простоту в устройстве, получили в лесостепной и степной полосе наименьшее распространение. Объясняется это недостатком водных ресурсов в южных районах переселенческого освоения Западной Сибири и особенностями земле- и водопользования на переселенческих участках. Лишь в южно-таежных районах бытовали *водяные* мельницы, но и здесь число их было невелико, что обусловлено меньшим объемом товарного производства зерновых относительно лесостепных и, тем более, степных районов, где наличествовал неограниченный энергетический ресурс – ветер, способствовавший строительству *ветряных* мельниц. Основным типом этих сооружений были *мельницы-столбовки*. На глубоко врытом в землю столбе, укрепленном срубной клетью, устанавливался поворотный «амбарчик» – основное производственное помещение. В южных, безлесных, районах «амбарчик» строили из досок на каркасе

(рис. 5), а в северных – в виде бревенчатого сруба (рис. 6). Последние были более массивными и устойчивыми, при том что движение воздушных масс в этих районах было менее выраженным, чем на юге. Отсюда и большее количество лопастей у ветряка, приводившего в движение горизонтальный вал, передававший посредством шестерен усилие на вертикальную ось, крутящую жернова. Все сооружение поворачивалось «к ветру» с помощью длинного бревна (*водила, воротила*).

Усовершенствованный вариант ветряной мельницы – *мельница-шатровка* – был более характерен для промышленных мельниц, устроившихся на деньги государства или крупных инвесторов. В этом варианте вращалась только «головка» («шатер»), что требовало более высокого инженерного и строительного уровня при возведении сооружения и больших первоначальных затрат.

В условиях все более значительного развития капиталистических отношений в сибирской переселенческой деревне начала XX в. ветряные мельницы перестали удовлетворять хозяев развивающихся мельничных предприятий. Достаточно сложные погодные условия с резкими порывистыми ветрами, неустойчивость помола, связанная с этим, не слишком большая производительность «ветряков» побуждали мукомолов переориентировать производство на более рентабельную паровую тягу.

Работа паровых мельниц (рис. 7, 8) – некоторых на протяжении многих десятков лет – доказала правильность этого выбора, превратившего промысел в промышленное производство и давшего значительный толчок развитию переселенческого освоения ранее практически безлюдных просторов. Выводя вопросы историко-экономического анализа за рамки данного этнографического повествования, следует, тем не менее, отметить важность социально-экономической роли, которую сыграл мельничный промысел в общекультурном развитии описываемых нами сельских переселенческих диаспор. Но это же развитие привело к унификации сферы хозяйства и, в известной степени, материальной культуры, к нивелировке многих этнически окрашенных черт. Одновременно следует отметить, что этнолокальные особенности хозяйства латышей, чувашей и эстонцев, значительная часть

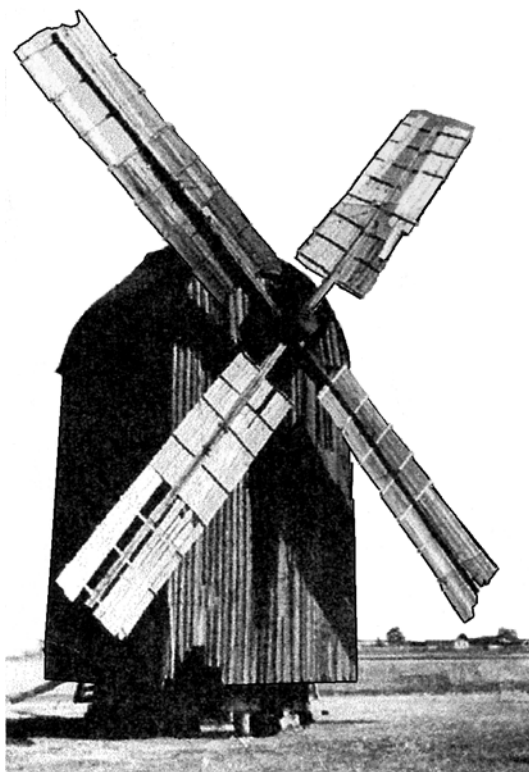

Рис. 5 (фото). Мельница ветряная. Украинцы. Прииртышье (начало XX в.). Фотоархив Павлоградского районного историко-краеведческого музея (Омская область). Копия с оригинала

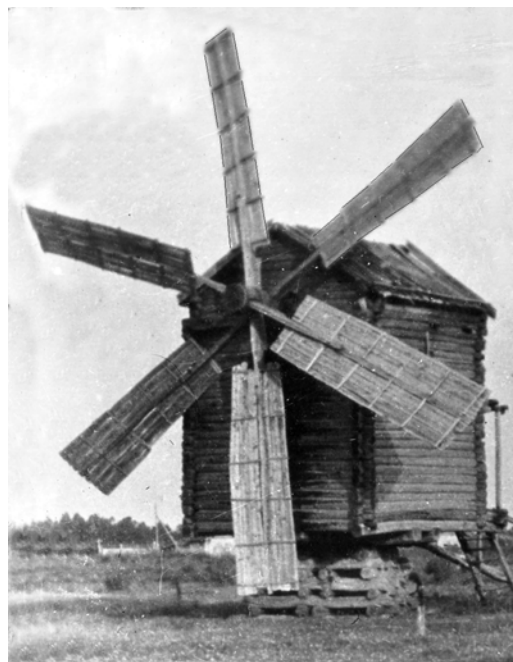

Рис. 6 (фото). Мельница ветряная. Русские. Прииртышье (начало XX в.). Фотоархив Большереченского районного историко-краеведческого музея (Омская область). Оригинал

Рис. 7 (фото). Мельница паровая. Немцы. Прииртышье (начало XX в.). Фотоархив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Оригинал

Рис. 8 (фото). Интерьер паровой мельницы. Немцы. Прииртышье (начало XX в.). Фотоархив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Оригинал

которых была расселена в лесостепных и южнотаежных районах, не побуждали их, в отличие от немцев и украинцев, расселенных в основном в степных и лесостепных (но южных) районах, к внедрению масштабных товарных отношений.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что одной из основных детерминант развития традиционного мукомольного производства этнолокальных диаспор (от домашних форм до промышленных) являлось включение этих групп в систему социально-экономических отношений сложившейся в конце XIX – начале XX в. структуры населения в районах хозяйствен-

ного освоения юга Западной Сибири. В наибольшей степени процессы адаптации в описываемой сфере оказались присущи самым многочисленным и территориально консолидированным этнолокальным группам – немцам и украинцам, хозяйство которых было в большей степени ориентировано на внешние по отношению к этнолокальным ячейкам рынки. Это несколько выбивается из неоднократно подтвержденной автором тенденции прямой зависимости уровня этнокультурной адаптации от степени дисперсности расселения этнолокальных групп (переселенческих диаспор) в преобладающей культурно-языковой среде, но в то же время подтверждает тезис о значительном влиянии рыночных отношений на процессы интеграции этнических культур с унифицированными вненациональными структурами общественных отношений.

Список литературы

Арутюнов С. А. Диаспора – это процесс // ЭО. 2000. № 2. С. 74–78.

Колгушкин В. Д., Люцидарская А. А. Ветряная мельница села Старые Ярки (по материалам экспедиции 1974 г.) // Историко-архитектурный музей под открытым небом. Новосибирск, 1980. С. 164–173.

Люцидарская А. А. Мельничное дело в Томске в начале XVIII в. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI – середина XIX в.). Новосибирск, 1982. С. 125–131.

Тишков В. А. Реквием по этносу (исследования по социально-культурной антропологии). М., 2003. 544 с.

Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // ЭО. 2000. № 2. С. 43–63.

Материал поступил в редколлегию 06.05.2008

D. G. Korovushkin

DEVELOPMENT OF MILL FACTORING IN RURAL SETTLERS DIASPORAS ON SOUTH OF WESTERN SIBERIA

Studying of features of ethnic development and ethnocultural adaptation of disperse settled national groups, is one of the most urgent directions of researches of the Russian ethnographic and historical science. For Western Siberia occupied by numerous ethnic groups of immigrants during the end XIX – first third XX century, researches of problems of adaptation with reference to ethnic diasporas get special value. Traditional forms of material culture of Latvians, Germans, Ukrainians, Chuvashs and the Estonians diasporas, inherent in parent ethnoses of groups studied by us, practically without changes have been transferred to new places of economic development in Siberia. But specific nature-climatic conditions of region of moving have appeared so important determining factor, that traditional milling of immigrants have undergone fast and significant changes, rather actively adapting to the changed climatic, social and economy conditions.

Keywords: Western Siberia, immigrants, diasporas, adaptation, watermill, windmill, country technics of mill factoring.